

Кривопалова Н. Ю.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 1960-Х ГОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В современной историографии значительное внимание уделяется изучению научной интеллигенции 1960-х годов, её места и роли в советском обществе. Во многих исследованиях эти годы рассматриваются как особый, во многом переломный этап в развитии самой интеллигенции.

Одной из важных проблем, которая анализируется в современной литературе с разных позиций, является определение социальной сущности «шестидесятничества», частью которого было научное сообщество. Так, М.Р. Зезина определяет «шестидесятничество» как либерально-реформаторское течение советской интеллигенции, объединённое не формальными признаками, а активной общественной позицией – поддержкой десталинизации и реформ. Автор отмечает, что внутри этого течения постоянно происходило размежевание [1].

С другой позиции А.И. Липкин утверждает, что в «шестидесятничестве» воспроизводилось старое, циклически повторяющееся, системное противоречие России между необходимым для военно-технического «догоняния» Запада образованным слоем и самодержавной системой правления. Автор считает, что «интеллигентская» линия «шестидесятничества» представляла собой процесс этической (т.е. соотнесённой со смыслом жизни) индивидуализации в образованном слое, основную массу которого составляла интеллигенция, связанная с военно-промышленным комплексом, образованием и медициной, с возрождением в этом слое личностного сознания, характерного для классической отечественной культуры XIX – начала XX в. [2].

Возрождение личностной позиции, в отличие от нормативной, приводило к появлению различных форм отношения интеллигенции к власти и официальной идеологии в 60-е годы. Эта проблема также находится в центре внимания современных исследователей. В частности, В.Н. Дмитриевский выделяет пять основных групп интеллигенции по этому признаку, «каждая из которых в условиях режима играла определённую роль в его существовании»: «идеологи-фундаменталисты», «карьеристы-функционеры», «нейтралы-уклонисты», «независимые специалисты», «инакомыслящие» [3]. Автор подчёркивает значение оппозиционного настроения, возникшего в среде интеллигенции и способствовавшего появлению в обществе «новой шкалы слов и поступков». Но в то же время, отмечает автор, начала формироваться и психология «двойного стандарта», характерная для модели «социализма

с человеческим лицом» и допускающая сотрудничество с официозом [4]. По мнению В.Л. Пянкевич и А.А. Смирновой, 1960-е годы не являются переломным этапом в истории отношений советской интеллигенции и власти, поскольку контроль со стороны руководства становится лишь «более гибким и изощрённым». Это не позволяет считать «оттепель» благоприятным периодом для развития интеллигенции [5].

В современных исследованиях анализируется и вопрос об особенностях сознания научной интеллигенции 60-х гг. Так, В.С. Балакин указывает, что показательной формой иррационального сознания научной интеллигенции в эту эпоху был политико-экономический утопизм, проистекающий из веры в идеальное политико-экономическое устройство и закрепившийся в советском менталитете. К наиболее существенным ценностным установкам научных работников автор относит доминирование эмоционально-чувственного отношения к теории, отождествление власти и авторитета, патриотизм и романтизм [6].

Важным фактором, повлиявшим на развитие интеллигенции и общества в целом в 1960-е годы, явилась научно-техническая революция, сформировавшая особую популярность научных профессий, специфическую духовную атмосферу. В современной литературе прослеживается двоякое влияние этого фактора. С одной стороны, исследователи отмечают, что «советская интеллигенция была охвачена волной «научно-технического романтизма». Это выразилось в очаровании достижениями науки и цивилизации. Интеллигенция черпала в них веру в близкое построение коммунизма, была готова к жертвам» [7]. Это укладывалось в официальную идеологию. С другой стороны, научно-техническая революция объективно выдвигала вопрос о пересмотре роли и места интеллигенции в обществе, что встречало активное сопротивление правящей власти. Ю.П. Бокарев в этой связи пишет: «Руководство КПСС, стремясь сохранить рабочий состав партии, установило жёсткий лимит на приём в члены КПСС научно-технической интеллигенции. Тем самым путь в управление высококвалифицированным специалистам был перекрыт искусственным барьером» [8].

Эту проблему подробно анализирует В.В. Комиссаров и заключает: «Увеличение общественной роли интеллигенции, вызываемое как потребностями НТР, так и требованиями самого общества, во многом блокировались правящим режимом. ... Ограничения побуждали советскую интеллигенцию реализовывать свои общественные потребности (включая потребность протеста) и социальные функции (в том числе и функцию социального прогноза) в альтернативных формах и видах деятельности, в том числе и в научно-фантастической литературе» [9]. Исследователь показывает, что самый большой приток новых авторов в фантастику имел место в 1960-е гг. – 155 человек (26%) (из 598 чел. за период 1917–

1990 гг.), и связывает это с общественно-политической обстановкой, «когда страна жила ожиданиями больших перемен, общество устремлено в будущее, имелся явный заказ на фантастические и футуристические произведения» [10]. Кроме того, В.В. Комиссаров отмечает, что в условиях общемировой ситуации формирования постиндустриального общества официальная советская идеология фактически ушла от обсуждения многих актуальных вопросов и проблем будущего. В этом случае прогностическую функцию реализовывали в своих произведениях писатели-фантасты, в состав которых входили и представители научной интеллигенции. Автор приводит данные о количестве фантастов, имеющих учёные степени и звания: с 1957 г. по конец 1980-х они составляли 7,25%, что вдвое больше, чем в период до 1957 г. [11]. Среди них были физик-теоретик, академик М.А. Марков; врач-кардиолог Н.М. Амосов; эколог, академик А.В. Яблоков.

В исследованиях последних десятилетий рассматриваются также особенности образа жизни и общественной деятельности научной интеллигенции 60-х гг. Так, Г.С. Кнабе обращает внимание на распространение в среде интеллигенции маргинальных форм жизни как основного способа общественного протеста в этот период [12]. Как характерную черту 60-х И.П. Смирнов выделяет образование неформальных групп среди интеллигенции, в том числе и научной. Он утверждает, что советский тоталитаризм разрушили «байдарочники и альпинисты, ...молодёжные компании шестидесятых, джазисты и их почитатели, ценители подпольной литературы... все те, кто обратил свои силы на организацию досуга и на активность, не считавшуюся государством трудовой» [13]. Л. Коган и Г. Чернявская указывают на развитие самостоятельного творчества и авторской песни в интеллектуальной среде, что было составной частью советской контркультуры [14].

В целом анализ современной литературы показывает сложный и неоднозначный характер эволюции научной интеллигенции в 1960-е годы. Но есть достаточно оснований утверждать, что деятельность интеллигенции в этот противоречивый период развития страны способствовала изменению общественного сознания, прорыву тоталитарного мировоззрения и восстановлению нравственных категорий и принципов в жизни общества.

Библиографический список

- 1 Зезина М.Р. Шестидесятники: уроки опыта и судьба поколения // Интеллигенция России: Тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф. – Иваново: ИвГУ, 1994. – С. 288-289.
- 2 Липкин А.И. О месте шестидесятников и «оттепели» в истории России // Социокультурный феномен шестидесятых. – М.: РГГУ, 2008. – С. 158.
- 3 Дмитриевский В.Н. Художественная интеллигенция и власть: роли, маски, репутации // Русская интеллигенция. История и судьба. – М.: Наука, 1999. – С. 315-317.

- 4 Там же. – С. 312-313.
- 5 Пянкевич В.Л., Смирнова А.А. К проблеме эволюции отношений власти и интеллигенции в послевоенный период // Интеллигенция России: Тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф. – Иваново: ИвГУ, 1994. – С. 171-172.
- 6 Балакин В.С. Ценностные ориентации научных работников в 50-х – середине 70-х гг. XX в. // Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике: Тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф. – Екатеринбург: УрГУ: ИИиА УрО РАН, 1998. – С. 8-10.
- 7 Комиссаров В.В. Интеллигенция и фантастика в структуре советского общества в 1940–1980-е годы. – Иваново: ПресСто, 2012. – С. 13.
- 8 Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе. – М.: Наука, 2007. – С. 125.
- 9 Комиссаров В.В. Указ. соч. – С. 13-14.
- 10 Там же. – С. 19.
- 11 Там же. – С. 24-25.
- 12 Кнабе Г.С. Перевернутая страница. – М.: РГГУ, 2002.
- 13 Смирнов И.П. Социософия революции. – СПб., 2004. – С. 354.
- 14 Коган Л., Чернявская Г. Интеллигенция. – Екатеринбург: УГТУ, 1996.